

Лит. Россия, 1984, Вест

ИНТЕРВЬЮ
М И Ю

ЧИТАЯ
ЖУРНАЛЫ...

Владимир Амлинский. «Роман. № 10—11, 1983.

Жизнь как жизнь...

Кое-кто из наших романистов, похоже, всерьез пользуется советом Чехова, считавшего, что если на сцене в первом действии висит ружье, в третьем оно непременно должно выстрелить.

Но сцена сценой, театр театром, а у романа как высшей формы запечатления жизни — свои законы, своя внутренняя логика. В жизни-то не каждое ружье выстреливает...

В романе Владимира Амлинского «выстреливает» далеко не все. В нем есть сюжетные линии, нисколько не двигающие интригу; герои, не имеющие к фабуле никакого отношения, да и говорят-то герои эти часто о вещах, к делу никак не идущих... Целые куски, кажется (о, это коварное — кажется!), можно переставлять местами, а то и вовсе от некоторых отказать ся...

Но жизнь — такова. Роман Амлинского жизнен, он близок подлинной, взятой как есть действительности не потому, что реалии автор избрал из узнаваемых, доподлинных (хотя, конечно, и это важно), а потому главным образом, что сам принцип таков: пишу как есть в жизни.

Сознательно отказавшись от многих искусств, которые влечет за собой мастерство, профессиональное умение поиграть со словом и шире — с формой, автор подвергает себя иной опасности. Как, отказавшись от принципа художественной экономности (если ружье, то выстрелить должно), обязательных обобщений, не власть в другую крайность — в скучное бытописание, составление унылого перечня будничных происшествий?

Выход прост, но труден для исполнения: заниматься не только внешней стороной человеческого существования, но и тайнами духа, работой души, за «скучной» обыденностью про-

следить сюжет иной — духовный, глубокий; не только в быт героев окунуть, а до самого что ни на есть возвышенного подняться — до осознания себя в творческом порыве. И вот этот стык обычного и недостижимого, бренного и нетленного, приземленного и возвышенного и привлекает внимание читателя романа, он-то, стык этот, и отбывается непосредственно в душе, заставляет сопереживать автору, сопереживать героям.

Хотя вроде бы ничего особенного не происходит. Жизнь как жизнь... Узнаются по приметам московские переулочки, вспоминаются нравы коммунальных квартир и студенческих общежитий, живет и изменяется точно ознанное время — от пятидесятих до семидесятых...

Роман о художниках, их воспитании, их возмужании. Впрочем, с таким же успехом это мог быть роман о писателях, и о музыкантах, и об актерах. Нам ведь не внешне важно, а духовное, а оно — универсально. Итак, творчество...

Так как-то повелось: коли о художнике, творце произведения — так непременно он гений или, на худой конец, непонятный, непонимаящий гений. В. Амлинский с самого начала расставляет точки над «i» и говорит: мои герои — ремесленники (хоть и в самом хорошем смысле этого слова) и занимаются они ремеслом (хоть тоже в очень хорошем смысле). А чего стыдиться? Но в трудную минуту, когда задумаешься вдруг о

жизни, переоценишь ее, окинешь взглядом все, что сделал, не только стыд охватит, но и волком завоешь...

Высокое и прекрасное существует в их душах, но заставляет мучиться муками нечеловеческими, и даже кажется порой, что подошли к этому самому недостижимому абсолюту, вот-вот овладеют заветной тайной, вот-вот достигнут наивысшей — в идеале — отметки, еще шаг, и... И ничего не получается. Борька Никитин (главный герой) и Юра Афанасьев (рассказчик) — люди одаренные. Тем горше осознавать им собственную — употребим все же это слово — беспомощность, бессилие перед величием и недостижимостью прекрасного. Но действительно ли бессилие или другое — причина неудач и неурядиц?

Отчего они, неудачи, отчего — вся муть житейская, затягивающая, вытягивающая по жилке, не подпускающая к главному?

Эх, Борька, Борька Никитин, ты ведь был лучшим из лучших, где ты теперь, что-то ты подлизываешь? Сидишь в каком-то захолустье, оформляешь интерьеры клубов, ходишь зачем-то на уроки рисования в какой-то интернат, хотя обошлись бы там без тебя и ты бы обошелся... Зачем тебе все это? А ведь была возможность «подсуетиться» и в Москву перебраться, и в выставках поучаствовать... Какая такая трясина тебя затянула? Кто ты? Неудачник? Гордец? Рохля? Перегоревшая свечка?

И вот приезжает Юра к Мастеру, бывшему институтскому богу, самому понимающему из всех преподавателей, всеосознано известному художнику, лауреату и прочая, и вот зачем-то рассказывает ему о Борькиной судьбе. А в ответ слышит приговор — себе.

Но ведь и у него, Мастера, тоже — по большому счету — не получилось. И у других учителей тоже — от запутавшегося Станислава Степановича из Дворца пионеров до состарившегося короткого реставратора из Ярославля Акундинова, не говоря уж о третьем из друзей художников — Сашке, внешне достигшем наибольшего преуспеяния. А могло ли получиться? Вот в чем вопрос.

Итак, жизнь, со всеми ее сложностями — с несчастной любовью, потерей близких и обезвреживанием семействами, с ее порой засасывающим бытом, магазинами и сплетнями, коммуналками и тупостью бюрократов... И в то же время — прорыв в неземное, высокое, возвышенное. И как расплата — Икар сжигает крылья и падает на Землю...

И все же роман по сути своей оптимистичен. И вот ведь как завершается:

«Пролетали, пронеслись рошцы, уже поредевшие по осеннему, вспыхивал желто-красный кленовый лист, спойкой синело чуть приподнявшееся к земле небо — все это успокоило, подвело бушевавшую во мне тревогу; сызмальства знакомый, тысячу раз воспроизведенный и всегда сохраняющий черты новизны пейзаж успокоил и рождил надежду».

Придирчивому читателю, которому вдруг покажется, что уж очень много в романе безысходности, печали и отчаяния, я укажу на слово, которым заканчивается это новое и неожиданное произведение В. Амлинского.

Слово это: надежда.

Андрей МАЛЫГИН